

УДК 177.7+316.613.4

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

«Любимый И.В. Сталин!»

(социально-психологические аспекты «культы личности»)

© Тендит Константин Николаевич,

ГОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет».

Россия, 681013, Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27.

E-mail: tenditkn@rambler.ru

Статья поступила 12.03.2011 г.

В статье исследуется особое феноменально-психологическое состояние социальной действительности, которое возникает в результате ментальной объективации коммуникационного взаимодействия между И. В. Сталиным как политическим вождем и советским народом как суверенной нацией, руководимой данным лидером.

Ключевые слова: Сталин, народная любовь, культ личности, советская культура, социальная психология.

Specific phenomenal-psychological state of social reality which appears in the result of mental objectiveness communicative influence between I. V. Stalin and soviet nation as between political leader and sovereign nation ruled by leader is investigated in the article.

Key words: Stalin, national love, cult of the person, Soviet culture, social psychology.

Одной из важнейших проблем философии культуры является феномен существования так называемых «народных любимцев», т. е. феномен массовой любви и поклонения политикам, философам, религиозным деятелям, ярким представителям экономики и культуры. Практически в любой сфере культуры всех народов мы можем найти проявления данного феномена, как в прошлом, так и в настоящем.

В качестве одного из частных проявлений данного феномена можно рассматривать народную любовь к И. В. Сталину. XX съезд КПСС, а также современники, жившие в эпоху И. В. Сталина, сформулировали вполне ясную и недвусмысленную картину того, что было названо в его постановлении «культом личности» Сталина, как он формировался в сознании советских граждан и какие цели преследовал. В свое время понятие «культ личности» употребили К. Маркс и Ф. Энгельс по отношению к Фердинанду Лассалю. Н. С. Хрущёв, воспользовавшись данным термином для характеристики сталинского режима правления, на наш взгляд, дал ему лишь оценочную, причем

односторонне негативную характеристику. В период жизни И. В. Сталина оно определялось как «сталинизм» и имело такую же оценочную, хотя и противоположную по знаку характеристику. Она сохранилась и после XX съезда КПСС. В ходе дальнейшего социокультурного осмысления на всех его уровнях — от обыденного до специализированного — проблема «сталинизма» и «культы личности» И. В. Сталина решалась также односторонне оценочно — в форме осуждения или оправдания.

Однако, как нам кажется, указанные позиции не раскрывают всей глубины и многообразия феноменального проявления народной любви и поклонения И. В. Сталину. Для экспликации подлинного содержания данной феноменологии мы предлагаем применить стереоскопический подход к характеристике политического культа как явления социальной реальности. Мы постараемся охарактеризовать ключевые аспекты социально-психологического взаимодействия субъектов культовой действительности того времени. Итак, любовь как явление социальной реальности во многом оказывается

изоморфной структуре основных свойств этого психического процесса на индивидуальном уровне. Любовь, с одной стороны, всегда есть проекция ценностного идеала на формы действительного мира. Эта проекция редуцирует реальные свойства объекта и актуализирует совпадающие с идеалом. Однако с другой — объективной — стороны, процесс редукции определяется рядом динамических сил, присущих идеализируемому объекту. Таких сил прежде всего две. Во-первых, объект — в случае его совпадения с идеалом — может вызывать восхищение, воздействующее на идеал и снижающее уровень собственной редукции. Во-вторых, объект может и не совпадать с идеалом, но воздействовать на него с помощью устрашающих — террористических — технологий, также снижая уровень редукции. В любом случае, а в последнем — особенно, подобное снижение редукции вызывает в субъекте любви стремление принести в жертву свой собственный идеал и себя вместе с ним во имя этого же идеала и идеализируемого объекта. Рассмотрим каждый из этих случаев в отдельности, хотя в действительности оба этих случая зачастую совмещаются в сложном социально-психологическом комплексе.

Любовь из страха. Любовь из страха — парадоксальный феномен, имеющий сложную социально-психологическую основу. Любовь советского народа к товарищу И. В. Сталину — это сублимация чувства ужаса перед его личностью и государственным аппаратом, который он олицетворял и возглавлял.

В процессе онтогенеза миф и вера не исчезают из сознания человека, а лишь уходят в более глубокие пласты психического мира личности. В случае стрессов они высвобождаются из бессознательного, чтобы защитить психическое и физическое здоровье личности.

Человек начинает в течение стресса мыслить как ребенок в патриархальной семье, проявляя свою любовь к тем, кто его воспитывает и кто распоряжается его жизнью. В народном восприятии И. В. Сталин был «отцом народов», что сумела уловить и использовать советская пропаганда. Сильное государство вызывает страх и трепет,

оно заставляет себя уважать и себе подчиняться. В России всегда существовал культ сильного государства, определяемого словом «могущество», то есть государственная мощь, способная на все, даже на насилие против собственного народа. Власть должны бояться — такова природа всякого государства. Любовь из страха рождается в народе в виде благодарности за то, что на него не обрушилась кара со стороны «сильных мира сего». Феномен подобной любви наблюдается во многих социальных коллективах, где руководителю свойственны авторитаризм и волюнтаризм, где существует жесткая (даже жестокая) дисциплина, тотальная форма контроля. В таких коллективах очень часто развивается доноительство как своеобразная — извращенная — форма жертвоприношения. Некоторые руководители буквально культивируют тоталитарные формы поведения: анонимные жалобы, прослушивание разговоров, вербовка секретных сотрудников, использование провокаторов, стравливание работников. Все это характерно как для тоталитарного общества в целом, так и для сталинского в частности. В таких коллективах существует почва для формирования культа личности руководителя. Страх пред наказанием порождает ритуализированную деятельность, выстроенную по принципу: «Если сегодня со мной ничего не случилось, завтра необходимо сделать все точно так же». Человек превращается в «сталкера», который находится в аномальной зоне (экзистенциальной реальности), где нарушение алгоритма действий, инструкции или рекомендации может привести к гибели или катастрофе. Реальность сама подсказывает своей жертве, как нужно себя вести. Культ в этом случае — форма установления контакта со «сталинизмом», через уподобление ей человек стремится избежать гибели. Магический характер подобного контакта выражается формулой: «Я такой же, как Вы, товарищ И. В. Сталин, за что меня наказывать, я все делаю, как Вы. Наказывая меня, Вы наказываете себе подобного». Предельное выражение подобной любви — абсолютное принесение себя в жертву, то есть отказ от собственной жизни во имя воли палача, сопровождаемый чувством удовольствия от самоуничтожения и насилия над собой.

Фанатичная преданность вождю и жестокое обращение с подчиненными — одна из характерных черт поведения бюрократической номенклатуры сталинской эпохи. Суть такого поведения была метко отражена в афоризме того времени: «Истинное лицо начальника можно увидеть только пред лицом вышестоящего начальника». С помощью такой тактики люди стремились обезопасить себя. В результате действия этого механизма возникает особый феномен социальных отношений — «сталинский стиль руководства». Однако преданность вождю не спасала от репрессий, что, в свою очередь, порождало еще больший страх, так как злая воля «хозяина» не поддавалась рациональной манипуляции. Это обстоятельство создавало экзистенциальную ситуацию, в которой не было правил и логики, — ситуацию, которую нельзя контролировать и предсказать, в которой остается лишь следовать в указанном вождем направлении и верить в его милость.

Наконец, любовь из страха — это не только садо-мазохистское упоение личностью палача, сублимирование страха, но и фальшивое раболепие, ритуализированное стремление избежать наказания (справедливого или нет, не важно), это лицемерная маска перед лицом тирана, и данная личина спадет, когда И. В. Сталина не станет.

Любовь из уважения. Почтить человека — значит отметить его, выделить из народной массы, подчеркнуть важность. Уважение или почет есть признание человека важным, значимым. Всякий лидер, становясь руководителем, автоматически признается ценностно окрашенной персоной в своем коллективе и пользуется почтением (уважением) подчиненных и окружающих. Однако многие люди, потеряв формальные признаки лидерства, теряют прежний статус и, следовательно, уважение в обществе. Кроме того, уважение к руководителю не всегда перерастает в любовь. Неформальное уважение человек сохраняет, если его дела остаются актуальными для людей даже после того, как он уходит из коллектива. Истинное уважение проверяется народной памятью.

И. В. Сталин, несомненно, пользовался истинным, неформальным уважением и любовью значительной части советского народа. Даже после смерти, даже после

развенчания его культа уважение к вождю сохранилось, хотя и приобрело маргинальный характер.

Как уже отмечалось, неформальное уважение, перерастающее в любовь, базируется на социально значимых поступках и делах, актуальность которых не исчезает со временем. В народном сознании и в государственной идеологии образ И. В. Сталина превращается в атрибут советского государства — такой как государственный флаг, гимн, герб. Народ чтит Сталина уже не как личность, а как знак своей победы над злом и невзгодами. Образ Сталина — это идеал, которому следует подражать и поклоняться. В И. В. Сталине советские люди видели себя, свои победы и достижения, поэтому каждое важное событие, каждое достижение, каждый предмет получал сталинскую «печать». В этом процессе следует усматривать не столько почитание личности самого Иосифа Виссарионовича, сколько уважение к делам советского народа в целом. В Сталине «растворялись» все советские достижения, весь советский народ — это двуединый процесс индивидуализации общества и генерализации личности. Практически каждое достижение страны обозначалось как сталинское или посвящалось И. В. Сталину.

Если до начала 1940-х годов уважение к И. В. Сталину базировалось на авторитете руководства страны и партии — он был лидером ВКП(б) и государства, но лишь «первым среди равных», — то в 1940–1950-е гг. фигура И. В. Сталина затмевает все важные персоналии и личности, становясь символом советского государства и общества. Ничего в стране того периода не происходило без воли или разрешения государства. Экономика, образование, культура были под полным контролем партии и правительства, поэтому И. В. Сталин как лидер правящей партии и глава правительства становился естественным олицетворением государства, а отсюда понятия «сталинский» и «государственный» воспринимались как синонимы (например, сталинская, она же государственная премия). В 1940-е гг. И. В. Сталин превращается в культовый собирательный образ всего Советского Союза, всего советского народа; благоговей перед Сталиным, народ чтит самого себя, свою страну.

И. В. Сталин, создавая свой культ, сумел понять главное: нужно связать свою личность с каким-нибудь грандиозным событием в истории народа, и тогда, вспоминая это событие, народ будет отмечать и самого Иосифа Виссарионовича. В начале своей карьеры И. В. Сталин пытался акцентировать свою причастность к Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне. Однако главными культовыми фигурами этих событий были В. И. Ленин — идейный вдохновитель революции и Л. Д. Троцкий — ее технический исполнитель. Устранив и дискредитировав Троцкого, Сталин занял его место, но в этом случае он был всего лишь вторым среди других творцов Октября. Он был лишь тенью В. И. Ленина, его верным учеником и соратником. Устранив вслед за Л. Д. Троцким других соперников, И. В. Сталин не добился абсолютной победы в борьбе за душу советского народа — для полной власти над умами и сердцами людей нужно было такое культовое событие, которое принадлежало бы только И. В. Сталину. Попытки создать его искусственно ни к чему не привели. Сталинские стройки, победа социализма, достижения коллективизации и индустриализации и даже маленькие победоносные войны не давали нужного эффекта — И. В. Сталин оставался лишь формальным лидером страны.

Переломным событием для «культовой карьеры» И. В. Сталина стала Великая Отечественная война. Сегодня, когда мы говорим о войне, хотим мы этого или нет, но Иосиф Виссарионович Сталин — это народный символ победы в этой войне. Очернить И. В. Сталина — это задеть «святую память» о войне, и чем дальше это событие уходит в историю, тем более оно становится символическим и мифологичным, а следовательно, тем отчетливее в нем проступают образы и символы той эпохи, среди которых остается главный символ победы — Верховный главнокомандующий, генералиссимус И. В. Сталин.

Последующие советские лидеры тоже пытались стать символами эпохи, творя новые культовые образы и мифы, активно связывая с ними свою персону: «целина», «космос», «коммунизм к 80-му году», «соревнование систем», «малая земля», «разрядка»,

«перестройка» и так далее. Однако фигуры их в народном сознании выглядят скорее комичными, чем уважаемыми и почетными, и в этом случае нет вины государственного идеологического аппарата, он работал на полную мощь. Причина провала была в самих личностях и масштабах их деятельности, они не соответствовали статусу национального символа страны.

Любовь из уважения, становясь культовым явлением, приобретает жертвенный характер, ибо символическая редукция реального человека к главному достижению эпохи заставляла приносить в жертву собственный идеал этих достижений и их руководителей, не говоря уже о реальном содержании их деятельности и ее результатов.

Жертвенная любовь. Жертвенная любовь есть важнейший и предельный элемент любви из страха и любви из уважения. Она объединяет эти формы в единый социально-психологический комплекс, поэтому необходимо рассмотреть ее отдельно, тем более что в рассматриваемом случае он имел специфические религиозно-исторические национальные черты. Жертвенность и самопожертвование — одна из национальных черт советских людей, сформированная русской православной традицией и российской классической культурой. Жертвенная любовь — это любовь, не требующая награды и взаимности, это любовь, существующая вопреки условиям и условностям, любовь, базирующаяся на стремлении к счастью не для себя, а для любимого.

Это чувство проистекает из глубоких пластов культурной традиции. Но если в культуре народа не был заложен архетипический опыт и образ жертвенной любви, то проявление этого феномена на уровне социума вряд ли возможно.

Большой урон традиционному духовному народному укладу был нанесен ранним большевизмом, когда ради достижения политических целей дискредитировались патриотические чувства населения страны. В годы русско-японской войны, Первой мировой войны партия большевиков во главе с В. И. Лениным провозглашала лозунги антипатриотической и пораженческой направленности, объясняя народу, что

государство, страна, отечество и народ — это разные вещи. Главная цель подобной пропаганды состояла в том, чтобы разрушить ассоциативный ряд объективаций, связывающих воедино понятия: самодержавие, империя, государство, родина, народ, вера и отечество. Для самодержавной дореволюционной идеологии эти понятия были слиты воедино, образуя известную патристическую формулу: «За веру, царя и отечество!» Для большевиков же важно было вывести понятия «народ» и «отечество» за рамки самодержавного государства, и это им в конечном итоге удалось. В годы гражданской войны и военного коммунизма патриотизм был скорее понятием классовым, нежели национальным, так как цель рабоче-крестьянской массы — победа мировой революции и установление коммунистического строя во всем мире. Вопрос о возрождении традиционного патриотизма и воскрешении национального духа будет поднят уже в эпоху сталинизма, когда СССР взял курс на построение социализма в одной отдельно взятой стране. Будучи специалистом по национальному вопросу, чей авторитет был признан даже В.И. Лениным, И.В. Сталин видел в традиционной российской культуре ту пассионарную силу, которая позволит стране построить новый социалистический мир, превратив СССР в империю рабочих и крестьян. И.В. Сталин провозглашает новую национальную доктрину на основе «пролетарского интернационализма» (в сталинской идеологии под пролетариатом подразумевались все трудящиеся Страны Советов).

Сталинская идеология сумела создать ментальный фундамент для новой советской национальной культуры, взяв за основу образцы классической российской культуры и образы русской истории. Была экранизирована русская художественная классика, сняты художественные фильмы на темы российской истории, а также ленты, посвященные деятелям российской культуры и науки. Произошло возрождение классического русского театра, классических канонов в художественной культуре, была восстановлена система классического российского гуманитарного и технического образования — все это обеспечило новую ценностную переориентацию общества, сформировало патристический

духовный настрой народа. Советские люди испытывали законную гордость при виде своих достижений и были готовы защищать не только свою жизнь и свободу, но и свое культурное достояние.

Однако испытания Великой Отечественной войны показали, что в период экзистенциального выбора светская культурная традиция и большевистская идеология не справлялись со своими задачами. По силе духовного влияния они уступали религиозному сознанию как на уровне воздействия на отдельные личности, так и на уровне влияния на народные массы. Религиозная вера в этом смысле оказалась более действенным оружием борьбы за души людей. Перед угрозой смерти и тотального уничтожения культуры и народа нужны были новые культово-канонические образцы для подражания, такие же близкие и хорошо знакомые, как и образы светской культуры, но превосходящие их по силе воздействия. И такие каноны были найдены в религиозном опыте России.

Архетипические черты святых православных мучеников раннего христианства стали фундаментом новых агиографических образов таких советских мучеников, как Зоя Космодемьянская, герои романов «Молодая гвардия» и «Как закалялась сталь», Александр Матросов. Образцы поведения святых подвижников, схимников и постников дали силы для тех, кто в тылу и блокаде переживал трудовые тяготы, лишения и голод. Прообраз воинства Христова как миротворческой силы, понуждающей агрессора к миру, стал основой формирования новой военной доктрины советской армии в конце 1940-х — 1950-е гг. В 1943 г. И.В. Сталин снял с православия опалу и стал строить новые отношения государства с Русской православной церковью, рассматривая христианскую веру не в качестве соперника за душу людей, а как соратника в деле воспитания и поддержки масс в период испытаний.

Советский народ на протяжении всей сталинской эпохи демонстрировал жертвенное терпение и любовь к своему отечеству. Многие граждане СССР, пострадавшие от советской власти, все-таки шли защищать государство, которое их наказало (некоторых даже несправедливо), со словами «За Родину! За Сталина!». Штрафники сывали

свои «грехи» перед отечеством кровью, а высланные и переселенцы своим героическим трудом обеспечивали победу своей Родины в тылу. Подобная ситуация могла возникнуть только в условиях пассионарного подъема народа и культуры. Советские люди искренне и жертвенно любили свою Родину, свою страну, свое государство и И.В. Сталина как человека, который научил народ вновь любить их и гордиться своей историей и культурой.

Список литературы

1. Афоризмы советской эпохи / Сост. В.А. Бакланов. — Чита: Аркадия, 1995.
2. *Гарифулин Р.Р.* Иллюзионизм личности как новая философско-психологическая концепция. Психология обмана, манипуляции, кодирования / Рамиль Рамзиевич Гарифулин. — Казань: Книга и Ко, 1997.
3. *Козлова Н.Н.* Советские люди. Сцены из истории / Наталья Никитична Козлова. — М.: Европа, 2005.
4. Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2002.
5. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы: Сб. документов / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2007.

ФАКТОГРАФ

VI Международный фестиваль монотипии

В этом году фестиваль монотипии расширяет свои границы. Он родился в Санкт-Петербурге в 2007 году, потом его поддержали в Финляндии. Теперь он пришел в Москву. Фестиваль будет проводиться с апреля по ноябрь 2011 года в Москве, Хельсинки и Санкт-Петербурге. С удовольствием начинаем его в златоглавой Москве!

26 апреля в галерее «Ардена» в Международном фонде славянской письменности и культуры открылся VI Международный фестиваль монотипии — выставкой «Поэзия изображения». В музыкальном приветствии фестивалю мы услышали обертонное пение Галины Парфёновой, Ольги Анисимовой и Светланы Максимовой. Легкие переливы обертоновых созвучий весьма соответствуют фрактальным структурам монотипий, это вокальные импровизации, серебристое звучание которых основано на древних гармониях.

Тема нынешнего фестиваля — ПОЭЗИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ. Эта широкая и вольготная тема находится как бы внутри монотипического процесса. Монотиписты — это художники-поэты. Поэзия разлита в их работах, как природная реальность. У монотипии и поэзии общий источник — язык метафоры. Возможность размышлять иносказанием.

Монотипия — это графическая техника, которая дает возможность импровизации на тему свободного пятна. То есть вы создаете хаотическое пятно (monos — один, typos — отпечаток, — греч.) способом свободного нанесения краски на поверхность бумаги. Пока краска не высохла, вы прижимаете к бумаге другой лист и резко отрываете. Ну вот, поле для полета воображения готово! Нерукотворное изображение дает волю фантазии. И тогда... не испортив получившегося пятна, деликатнейшим образом, очень тонкой кистью, вы делаете несколько точных движений и... образ готов. Монотипия насчитывает множество авторских техник. Порой изумляет простота процесса и непостижимость результата. Не зря монотипию называют «техникой божественного вмешательства». Это всегда открытие и удивление.

Фестиваль объединяет художников разных стилей и направлений. Это реалисты, импрессионисты, романтики, книжные графики, фантасты. Главное условие — владение техникой и любовь к монотипии. На фестивале мы увидели работы художников из России, Украины, Германии, Италии, США, Финляндии. На форуме прошли мастер-классы: 27 и 29 апреля, 6 и 11 мая для взрослых; 28 апреля — для детей. В программе фестиваля присутствовали концерты и вечера поэзии.

Источнику: <http://www.ardena.ru>, www.monotypy.ru